

12. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2002.
13. *Темкина А. А.* Сценарии сексуальности и гендерные различия // В поисках сексуальности : сб. ст. СПб., 2002. С. 247–286.
14. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эрика Фромма. М., 1995. С. 7–189.
15. Шелер М. Положение человека в космосе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ontology.ru/index.php?id=8> (дата обращения: 03.07.2014).
16. *Эстес К. П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. Киев ; М., 2002.

Рукопись поступила в редакцию 17 июля 2014 г.

УДК 340.113 + 340.12 + 101.3 + 316.334.4

С. С. Силби

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРЫ ЛЕГАЛЬНОСТИ

В статье анализируются генезис и содержание понятия «правовая культура» в его взаимосвязи с такими смежными понятиями, как «легальность», «культуры легальности», «правовое сознание», «правовая идеология» и др. Делаются выводы о перспективности исследования феномена правовой культуры в интегральном междисциплинарном поле.

К л ю ч е в ы е с л о в а: право, легальность, правовая культура, культура, культуры легальности, правовое сознание, правовая идеология.

Понятие «культура» традиционно служило предметом оживленных научных споров и дискуссий, а появившись в социоправовых исследованиях, спровоцировало еще более ожесточенную полемику. Значение слова «культура» многообразно, внутренне нестабильно и размыто как с теоретической, так и с практической точки зрения. Совмещение слов «правовой» и «культура» лишь усиливает разногласия по поводу их смыслового наполнения. Сложности возникают из-за смешения двух значений слова «культура». В одном оно используется для обозначения сферы убеждений и практик, свойственных конкретной группе людей. Культура во втором значении носит скорее теоретический характер, это абстрактная *система* символов и смыслов, которая является продуктом и контекстом социального действия. В первом случае термин «культура» обозначает специфические обычаи, взгляды и практики, присущие конкретной группе или обществу, поэтому он, как правило, используется во множественном числе (например, правовые культуры Японии и Китая, латиноамериканские правовые культуры). Во втором случае данный термин имеет теоретический характер и используется в единственном числе: например, «правовая культура» или «академическая культура».

Всплеск интереса к понятию «культура», ставший результатом так называемого культурологического поворота 1980-х гг., привел к тиражированию

этого термина в различных отраслях социогуманитарного знания, в рамках которых продолжились дискуссии по поводу его концептуализации и адекватного использования. Таким образом, многозначность данного термина, которая представляла проблему в прошлом, была перенесена практически в каждую дисциплину, где он применялся. Вышли тысячи научных статей и сотни книг, в заглавии которых так или иначе фигурировали «культура» и «право» или «правовая культура». Часть этих публикаций призывают развивать культурологические исследования права, как если бы такие исследования никогда ранее не проводились. Другие представляют собой подборки разнородных статей, объединенных под рубрикой «Закон и культура». Но есть и работы, предлагающие действительно серьезный подход к культуре как к теоретическому понятию [3, 7, 42]. Беспрецедентно быстрое распространение понятия «культура», к сожалению, сильно осложнило ситуацию в социогуманитарном дискурсе — этом самом неустойчивом и вариативном из всех научных дискурсов. В настоящей статье я ставлю своей целью внести ясность в понимание данного термина, выделив возможные варианты его интерпретации, а также описав производные понятия, которые появились в рамках культурологических исследований права: это правовая идеология, правосознание, легальность и культуры легальности.

Концептуализация понятия «культура»: краткий обзор

Современная наука давно вышла за пределы понимания культуры как простой совокупности всего, что производится людьми, или обыденных представлений, сводящих культуру к искусству, музыке, театру, моде, литературе, религии, СМИ и образованию. Теперь культура рассматривается скорее как система символов и смыслов, а также связанных с ними социальных практик. Наиболее перспективным и теоретически обоснованным применением термина «культура» видится в следующих случаях:

1) чтобы указать на неразрывную связь между знаками и деятельностью, смыслами и действиями;

2) чтобы *«различать [исключительно] в целях анализа семиотический компонент действия, который следует воспринимать обособленно от других его составляющих — демографической, географической, биологической, технологической, экономической и т. д., хотя все эти компоненты неизбежно сливаются воедино в каждой конкретной последовательности действий»* [45, 160] (курсив мой. — С. С.);

3) чтобы подчеркнуть, что хотя формальные организационные атрибуты и межличностные взаимодействия опираются на одни и те же символические и когнитивные ресурсы, многие культурные ресурсы имеют свой специфический, локальный характер и конкретное предназначение;

4) чтобы выделить общие тенденции, позволяющие нам говорить о культуре или культурной системе на конкретных уровнях и вертикалях социальной организации. «Система и практика — это комплементарные понятия: одно предполагает другое» [Там же, 164], хотя конституирующие практики не яв-

ляются ни однородными, ни логически связанными, ни статичными, ни автономными;

5) чтобы применить семиотический подход, рассматривая культуру как набор семиотических ресурсов, используемых в человеческих взаимодействиях [60]: «культура — это не некая сила, к которой причинно-следственным образом могут быть отнесены явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы; она — контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т. е. «насыщенно», описаны» [27, 14];

6) чтобы подчеркнуть, что вариативность и разночтения в том, что касается значения и применения этих символов и ресурсов, вполне естественны, поскольку по сути своей культура — «это сложно организованная система высказываний о том, как понимать мир и действовать в нем» [41, *lxxi*; 51].

Генезис термина «правовая культура»

Несмотря на спорный характер самого термина «культура», многие исследователи находят его особенно полезным применительно к ряду аспектов правовой деятельности, выходящих за пределы официальных юридических текстов, ролей, процедур и институтов. Лоуренс Фридман (1975) считается основателем этого подхода: именно он предложил ввести термин «правовая культура», чтобы подчеркнуть тот факт, что право лучше всего понимать и трактовать как систему, продукт социальных сил и их источник. Фридман является «отцом-основателем» американской науки о социуме и праве. В своих исследованиях он стремился раскрыть значение моделей поведения, которое ранее не относилось к правовой деятельности, хотя и играло важную роль в формировании права в его традиционном понимании. Право может определяться как «набор правил или норм, писанных или неписанных, о том, что следует считать правильным или неправильным поведением, об обязанностях и правах» [24, 2]. Однако, по мнению Фридмана, этот традиционный подход преувеличивает автономность и эффективность «писаного права», не учитывая при этом значимость и предсказуемость того, что обычно именуется «законом в действии». Изучая «закон в действии», Фридман предложил модель системы — непрерывной возвратной петли, представляющей собой комплекс структур, которые обрабатывают исходные данные (потребности и ресурсы социума) и возвращают в социум конечный продукт (функции). Фридман выделил три центральных компонента правовой системы: 1) социальные и правовые силы, оказывающие давление на закон и тем самым «создающие право», это исходные материалы; 2) сам закон — набор структур и правил, через которые проходит исходный материал и которые его перерабатывают; 3) влияние закона на поведение людей, это конечный продукт или функции системы. «Откуда появляется право и какие функции оно выполняет — первый и третий компоненты — вот что является предметом социологии права» [Там же, 3] (курсив мой. — С. С.).

Фридман выбрал термин «правовая культура» для того, чтобы обозначить предмет социологии права. Правовая культура определяется как «социальные

силы, которые неустанно формируют закон», «те части общей культуры — обычаи, взгляды, способы мышления и деятельности, которые либо усиливают действие закона, либо, наоборот, ослабляют его» [24, 15]. В качестве аналитического термина «правовая культура» подчеркивает роль тех действий, которые совершаются «по умолчанию» и принимаются как должное. Они опираются на взаимодействия между правовой системой и окружающей средой. В качестве описательного термина «правовая культура» обозначает ряд взаимосвязанных явлений — знание законов и отношение к правовой системе в обществе, а также модели поведения граждан в отношении правовой системы. Сюда входят и суждения о справедливости закона, его легитимности и полезности. Насколько явно модели поведения и установки проявляются в обществе и насколько сильно они варьируются в зависимости от группы или государства, настолько, по мнению Фридмана, и можно говорить о правовой культуре (культурах) групп, организаций и государств [Там же, 194]. В качестве примера вариативности, существующей внутри правовых культур, Фридман выделял внутреннюю правовую культуру «инсайдеров» — профессионалов, работающих в этой системе, в противоположность внешней правовой культуре граждан, взаимодействующих с системой. Как совокупность «идей, ценностей, ожиданий и установок в отношении права и правовых институтов, которых придерживается общество или его часть», правовая культура призвана обозначить явления, которые в принципе могут поддаваться измерению [26, 34]. Хотя Фридман никогда подробно не разрабатывал теорию правовой культуры, он несколько раз переформулировал эту дефиницию в своих текстах и был убежден, что термин «правовая культура» необходим как «способ поместить ряд явлений в одну весьма общую категорию» [Там же, 33].

Дискуссии о правовой культуре

После ввода термина «правовая культура» в научный обиход он стал использоваться в целом ряде научно-практических проектов, в частности, посвященных представлениям детей о законах [54, 55], знанию американцами своих прав [44], практике криминальных судов [38], а также сравнительному анализу различных групп и государств [2, 4, 8, 23, 28, 29, 31, 34, 53]. Измеряя вариативность в правовых культурах, исследователи оперируют такими показателями, как количество судебных тяжб, уровень материально-технической базы учреждений [5, 6], уровень преступности [33].

С учетом того насколько размытым был первоначальный термин, неудивительно, что среди исследователей, использовавших этот термин в своих практических работах [39, 40], возникли разногласия. Основным камнем преткновения стала вышеупомянутая двоякая трактовка культуры: культура может выступать как теоретическое понятие в рамках хорошо разработанной теории социальных отношений или рассматриваться более узко, как явление, которое можно измерить. Когда термин «культура» использовался в практических исследованиях в качестве основного, его значение автоматически сужалось. Возникали вопросы и по поводу разницы между культурой в целом и право-

вой культурой в тех случаях, когда термин «правовая культура» использовался недостаточно конкретно, в связи с чем создавалось впечатление, что правовой аспект данного понятия требует дополнительного прояснения [5, 6]. Некоторые исследователи отстаивали точку зрения, что правовая культура производится акторами-профессионалами в сфере права, а значит, с наибольшей эффективностью ее можно изучать именно через деятельность этих профессионалов. Однако другие утверждали, что такие ограничения лишат науку тех теоретических преимуществ, которые можно было бы извлечь из данного термина, если рассматривать его как попытку установить соответствия между правом и повседневной жизнью. Это именно та самая возвратная петля, постигаемая в теории, которую постулировал Фридман в своей концепции правовой системы.

Роджер Коттеррелл предложил наиболее полный критический анализ термина «правовая культура» [14, 15]. По его мнению, «все, что касается правовых институтов и содержательной стороны права, следует рассматривать во взаимосвязи с теми социальными условиями, которые их породили. В этом смысле право — это действительно выражение культуры» [13, 26]. Тем не менее Коттеррелл не готов принять термин «правовая культура», если его нельзя дифференцировать среди других форм социального контроля или нормативной деятельности. Лавируя между «бескомпромиссным правовым плюрализмом» [Там же, 42], в котором «право практически сливается с другими социальными нормами», и слишком узким, предельно упрощенным пониманием государственного права, Коттеррелл ищет золотую середину, принимая во внимание взаимное влияние культуры и права и сохраняя при этом понимание специфики правовых форм и доктрин.

Эти дискуссии в чем-то повторяют споры вокруг понятия «культура» в целом. Наиболее важные вопросы носят не практический, а скорее теоретический характер. В частности, исследователи, изучающие национальные правовые культуры, нередко ставят под сомнение саму возможность проведения измерений. Этот вопрос напрямую связан со следующими теоретическими проблемами: как понятие правовой культуры может быть точным и измеримым и при этом размытым и абстрактным? Какова относительная значимость каузального объяснения в противоположность описательному или интерпретирующему пониманию? Насколько важна правовая доктрина для понимания участия индивидов в правовой деятельности, их отношения к праву и его значимости?

Основополагающие теории правовой культуры

Культурологический поворот 1980-х внес больше ясности в понимание правовой культуры, хотя, возможно, и не в том объеме, в каком хотелось бы тем, кого интересовали точные количественные измерения. В междисциплинарном научном сообществе ученых, занимавшихся социоправовыми исследованиями, — антропологов, социологов, историков, географов, юристов — наладился плодотворный диалог, который позволил преодолеть ограничения

традиционных дисциплин, несмотря на то, что им не всегда удавалось выйти за пределы предметного подхода. Исследователям приходилось лавировать среди различных отраслей знания, создавая — думается, это произошло намного раньше, чем в большинстве других дисциплин, — новый набор теорий и методов и тем самым совершив одно из важнейших научных открытий в сфере социальных наук. В чем это открытие заключалось? В том, что поле социального действия оказывает влияние на его содержание и организацию, независимо от того, носит это поле правовой, научный или организационный характер. Таким образом, исследователи отошли от широкомасштабных теоретических штудий и абстрактного моделирования, сосредоточившись на более конкретных контекстах и анализе полей социальной деятельности. Предпринимались попытки связать эпистемологические и теоретические парадигмы, что оказалось результативным, но вместе с тем привело к конфликтам и противоречиям внутри самих дисциплин и между ними. Возникновение культурологического анализа права говорит о назревшей потребности совместить поведенческий и структурный аспекты, равно как и макро- и микровзгляд на предмет.

В социоправовой науке культурные трансформации выразились в трех основных тенденциях. Во-первых, наука отошла от исследовательской парадигмы, ставившей во главу угла формальный закон [43]. Вместо того чтобы изучать правовые нормы и материалы с целью выяснить, насколько эффективно реализуются те или иные принципы или задачи, ученые обратились к повседневной жизни. Их в равной мере интересовали ситуации, в которых закон должен присутствовать, но вместо этого он или отсутствует, или «молчит», как и ситуации, когда позитивное право проявляло себя эксплицитно. К тому времени социальные науки уже вышли за пределы того, что Фридман [25, 29] определял как закон для юристов («т. е. представляющий интерес для практикующих юристов и теоретиков права»). Теперь больший интерес представляли реализация и применение права, иначе — «процессы административного управления, поведение полиции», и правовое поведение (неофициальная работа профессиональных юристов). Культурологический анализ добавил еще один немаловажный момент: непрофессиональных акторов, не имеющих официального статуса, т. е. простых граждан, а именно то, как они рассматривают, предсказывают, представляют или, наоборот, не могут представить себе реализацию права и правовые концепции. Тем самым фокус практических исследований сместился с анализа профессиональной юридической деятельности и юридических материалов на повседневную жизнь — мир обычных людей.

Во-вторых, в результате вышеупомянутых культурных трансформаций фокус научного внимания сместился с измеряемого поведения, которое особенно интересовало исследователей, занимавшихся сравнением национальных культур, на веберовскую концепцию социального действия. Интерпретативный анализ вернул веберовской концепции ее прежнюю актуальность. В рамках этого подхода право не просто инструмент, влияющий на социальные отношения, но и набор концептуальных категорий и схем, которые помогают выстраивать, создавать и интерпретировать социальные отношения. Обратив-

шись к смыслам акторов, правовая социология расширила свой арсенал исследовательских методов, в особенности это касается методов антропологии и качественной социологии — наук, которые к тому моменту уже располагали большим опытом изучения смыслопорождения акторов в сферах, отличных от правовой.

Третьим и, возможно, наиболее важным результатом обращения науки к повседневной жизни и культурным смыслам социального действия стало то, что акценты сместились с местных категорий акторов как объекта исследования (например, государственные законы, формальные правовые институты, установки и взгляды акторов) на *теоретически концептуализированную единицу анализа, на научное определение предмета исследования: правовую культуру*. Иными словами, ранее мы изучали право, применяя терминологический аппарат, который не имел достаточной теоретической базы. Мы пользовались языком предмета нашего исследования как инструментом анализа. Это привело к тому, что в какой-то момент мы вынуждены были признать свою неспособность ответить на вопросы, возникающие в процессе исследования, что еще больше усиливало терминологическую путаницу вокруг понятия «культура». Новые теоретические материалы и исследовательские методы были жизненно необходимы [30, 37]. Это включало в себя более интенсивное изучение местных культур, национальных текстов и применение герменевтических техник интерпретации, которые необходимы для того, чтобы изучить и описать повседневную реальность, а значит, лучше понять, как работает право или, другими словами, каким образом легальность сохраняет свою непрерывность в качестве структуры социального действия [26, 33–56]. Одновременно возрос интерес к почтенным традициям европейской социальной теории, которая обращалась к вопросам сознания, идеологии и гегемонии в поисках ответа на вопрос, почему системы доминирования не только не вызывают протеста у населения, но и пользуются его поддержкой.

То, что вошло в историю науки как глобальный пересмотр взглядов или культурологический поворот, дало новый толчок и для возобновления критической традиции социоправовых исследований, упадок которых наступил после десятилетий активного развития. Сконцентрировавшись на повседневной жизни граждан, исследователи обратили внимание на идеалы и принципы, провозглашаемые правовыми институтами. Даже если эти институты не способны на постоянной основе реализовывать то, что они постулируют, возможно ли, что усилия, которые они прикладывают, пытаясь проводить ту или иную политику или соответствовать тем или иным абстрактным принципам, играют значительную роль в повседневной жизни и объясняют тот авторитет, которым эти правовые институты пользуются? Правовые идеалы, такие как открытое, доступное и справедливое судопроизводство, не дают полной картины того, как работает закон, но при этом отражают распространенное в обществе понимание права. Эти же идеалы могут отражать устремления, которые формируют правовые институты и обеспечивают им поддержку со стороны населения. И они же могут быть частью того, что превращает систему в безголового тирана, по меткому определению Ханны Арендт [1, 178]. В рамках

данного подхода исследователи пересмотрели отношения между правовыми текстами, действиями, типичными случаями и общепринятыми интерпретациями, через которые, по их предположениям, и распространяется легальность.

С середины 1980-х гг. и до настоящего времени не ослабевает поток научной литературы практической направленности, описывающей промежуточные процессы, через которые местные практики аккумулируются и кристаллизуются в системные институционализированные формы власти [46, 48–50, 51]. К сожалению, постоянное использование ряда похожих терминов привело к терминологической путанице, которая на определенном этапе достигла своего пика в конститутивных теориях/теориях культуры. В целом в научном дискурсе можно выделить четыре основных понятия:

1. *Правовая идеология.* Иногда безотносительно термина «правовая культура» исследования по правовой идеологии обращаются к теме «власти, которая осуществляется в правовой сфере или через нее. Исследования права и идеологии также предполагают, что власть, опирающаяся на знаки и символы, применяется несправедливо». Таким образом, в исследованиях правовой культуры «применение термина “идеология” является формой социальной критики» [19, 48].

2. *Правосознание.* Существуют исследования правосознания, определяющие его как фактор, формирующий легальность, где легальность — это «смыслы, источники власти и культурные практики, которые принято считать правовыми, независимо от того, кто их применяет или с какими целями» [20, 22]. Однако, как и в случае правовой культуры, мы можем обнаружить множество вариантов использования слова «легальность» (*legality*), которое в английском языке обозначает «то, что относится к сфере формального права». Многие юридические журналы используют этот термин именно в этом значении, различая культуру и легальность как два независимых социальных феномена, — а ведь это именно то понимание, которое пытаются преодолеть основополагающие теории правовой культуры. Эти теории, в свою очередь, рассматривают правовую культуру и/или легальность как набор схем и нарративов, распространенных в бытовом дискурсе, подкрепляющих правовую гегемонию, создающих или не создающих возможности для сопротивления ей. Такие исследования не ограничиваются США [12, 16, 32, 40, 49], хотя труды, посвященные дискурсам права и легальности в колониальном и постколониальном мире, чаще обращаются к таким темам, как «культуры легальности, конституирующие колониальное общество» [9, 36].

3. *Легальность, культуры легальности и антиправо.* В недавних исследованиях авторы прибегают к термину «культуры легальности» для того, чтобы обозначить и подчеркнуть фетишизацию распространенных понятий, например легальность или власть закона. Эти понятия активно и широко применяются в различных политических (национальных и международных) проектах: когда речь заходит о корпоративном капитализме, финансовой прозрачности, глобализации, построении государства, движении сопротивления; право упоминается не только для его собственной легитимации, но и в интересах конк-

ретных лиц или институтов. Комарофф и Комарофф [10, 11] в своих монографиях задаются вопросом, почему дискурсы закона и анархии так часто оказываются взаимосвязанными, — тенденция, особенно характерная для бывших колоний. Почему право выступает как альтернатива хаосу? Действительно ли правовые процедуры и дискурсы содержат механизмы соотнесения [18], реальные или нет, объединяющие, казалось бы, абсолютно разрозненные и разнородные нормы, структуры и процессы? Действительно ли легальность подразумевает наличие общедоступных традиционно успешных, хотя и ограниченных, операционных механизмов и каналов — до такой степени универсальных, что множество форм легальности и ее культурных вариаций могут быть погребены и одновременно фетишизированы под общей категорией «власть закона»? Некоторые авторы, в том числе и критически настроенные, рассматривают культуры легальности через призму термина «антиправо» (counter-law), подчеркивая тем самым нелиберальное применение права [17, 38]. Используя фразу «культуры легальности», авторы привлекают наше внимание к избыточным смыслам, которые привносятся ради целей и интересов, не сводящихся только к праву или легальности.

Этот неконтролируемый процесс образования новых терминов может быть связан как с тем, что авторы мыслят в рамках определенных систем нормативов (стремятся указать на ценность различных культур, но при этом найти для них общую основу, подчеркнуть относительность явлений и в то же время подвести их под одну теоретическую базу). Это также может быть связано со стремлением исследователей подчеркнуть самобытность тех или иных сообществ с помощью различной терминологии. Вероятно, некоторые из этих терминологических вариантов — попытка отделить изучение правовой культуры от исследований правовых установок и мнений, которые трудно теоретически обосновать или отнести к какой-либо категории или культурной системе, в которой участвуют субъекты [49].

4. Структура легальности. Эвик и Силби [48] описывают общую модель легальности, которую они называют «структурой легальности»; они также высказывают предположение, что нарративная и нормативная множественность, характеризующая легальность, наблюдается и в других институтах и социальных структурах [22]. Правовая культура или схематическая структура легальности — это диалектика общих нормативных устремлений и конкретного понимания социальных отношений. Общая внеисторическая правда (объективная рациональная организация правовой мысли, беспристрастное принятие решений) формируется параллельно со специфическими местными практиками (неравноценное качество юридического представительства, недоступность бюрократических агентов, полицейский произвол), хотя и не сопоставима с ними. Очевидная несопоставимость общего и частного скрывает социальную организацию, которая связывает представления об идеальном судопроизводстве с разрозненными реальными практиками, в том числе с ситуациями, когда не все имеют равные возможности для получения квалифицированной помощи юриста или когда сами юристы выполняют роль посредника. Все это превращает легальность в сферу, где процессы ведутся

справедливо, где принимаются обоснованные решения, где правила известны заранее, и в то же самое время это сфера, где правосудие достигается лишь частично, если достигается вообще, где государственные защитники не являются в суд, где больные старые женщины не могут получить пособие по инвалидности, судьи действуют нерационально и проявляют предвзятость, а богатые получают преимущество перед бедными [21] .

Когда легальность или, например, власть закона и повсеместное распространение представлений о его рациональности описываются как некое универсальное и единое явление, это маскирует социальную организацию права, поскольку тем самым замалчивается взаимосвязь между конкретными обстоятельствами и всеобщими трансцендентальными явлениями. Поскольку легальность обладает этой сложностью, связанной с наличием и взаимодействием различных ее схем, она действительно может быть господствующей структурой общества, охватывая множество разновидностей правового опыта. Любой конкретный опыт или описание могут быть частью общего многообразия. Легальность — это не просто идеализированный набор устремлений и надежд; скорее, учитывая неоднородность социума, правовых органов и интересов субъектов, легальность — это и идеал, и область практического действия. Тем самым власть и привилегии могут сохраняться как результат несовместимого, казалось бы, сочетания общего и частного. Таким образом, в ходе нашего анализа правовой культуры мы приходим к выводу о том, что в понимании легальности и правовой культуры следует избегать слишком упрощенного понимания того и другого, но, напротив, стремиться охватить эти явления во всем их разнообразии.

Перспективы изучения правовой культуры

Хотя одной из тем настоящей статьи были терминологические споры, сопровождавшие распространение понятия «правовая культура» в различных исследованиях, следует отметить, что сами эти исследования были весьма продуктивны для дальнейшего развития науки. В качестве перспектив, которые просматриваются для дальнейшего изучения правовой культуры, выделим следующие: во-первых, это мог бы быть детально проработанный проект, с помощью которого можно решить проблему теоретического определения правовой культуры и методов ее анализа. Крупномасштабный международный проект по сбору данных с использованием единого алгоритма культурологического анализа также мог бы оказаться полезным для систематического описания культур легальности и разрешения противоречий в существующей литературе, для развития теории распространения власти закона, поддержки или сопротивления ему. Другими словами, весьма многообещающей, как в теоретическом, так и в практическом плане, нам кажется идея совместить стратегии выборки, которые применяются обычно для крупных сравнительных проектов, с пристальным наблюдением, развернутым интервьюированием респондентов или дискурсивным анализом, которые применяются в культурологии.

Во-вторых, по мнению Билла Маурера [36], с проблемой путаницы и недостаточной теоретической базы в трудах по правовой культуре можно спра-

виться, применив инновационные концептуальные решения, которыми располагает социология науки. В ходе тщательных наблюдений право было обнаружено везде: не только в зале суда, тюрьме или кабинете юриста, но и в больницах, спальнях, школьных классах, магазинах и конечно же в кино, театре, романах и даже в открытом космосе [47]. Исследователи также обратили внимание, что в некоторых местах право должно присутствовать, но его там нет. Б. Маурер в своей монографии [36] выражает беспокойство по поводу того, что, «*обобществляя* естественные факты, которые оспаривает научное исследование», социология науки может столкнуться с тем же теоретическим обеднением, что и социологи права, обнаруживая все больше социального в науке, подобно тому, как социология права обнаружила «право во всем» [43]. Вместе с тем социология науки обладает уникальным знанием, к которому исследователи права еще только приближаются. Социология науки преодолевает теоретический кризис и ограничения, которые накладываются антропоцентрическими описаниями научной культуры, через анализ «сети человеческих и нечеловеческих агентов, которые все вместе противостоят» господствующим установкам социальной конструкции и «в ходе этого процесса заявляют о своих собственных нравственных и материальных притязаниях» [36, 848]. Исследованиям правовой культуры следует последовать этому примеру.

И в-третьих, Эвик и Силби [22] считают, что методы культурологического анализа могли бы найти применение при изучении долгосрочных институциональных и социальных трансформаций, которые находятся в центре внимания социологии. Если мы наблюдаем культурную разнородность и противоречия в различных социальных институтах, возможно ли, что конкурирующие и противоречащие друг другу нарративы на самом деле поддерживают эти институты как структуры социального действия? Возможно ли, что альтернативные нарративы не только защищают институты от более системных проблем, но и что само существование этих структур в действительности зависит от выраженности и поливокальности каждого конкретного нарратива? И, как следствие, может ли отсутствие этой поливокальности или того, что можно обозначить как существенный дисбаланс в нарративном строении социальных структур, делать их более уязвимыми и увеличивать вероятность структурных трансформаций? Если культурологический анализ покажет, что легитимация и долговечность социальных структур зависят от противоречащих друг другу изложений опыта, то можно отследить взаимосвязь между культурным доминированием институтов и социальных структур, таких как право, с той степенью противоречивости, которую они содержат. В широкой исторической перспективе должна обнаружиться связь между развитием и упадком институтов и теми историями, которые рассказывают люди или могут рассказать благодаря наличию различных и иногда противоречивых дискурсивных референтов или схем.

Перевод с английского Е. С. Пургиной

1. *Arendt H.* Crisis of the Republic. N. Y., 1972.
2. *Barzilai G.* Between the Rule of Law and the Laws of the Ruler: The Supreme Court in Israeli Legal Culture // Intern. Social Science J. 1997. № 49, 2 (152). P. 143–50.
3. *Benton L.* Law and Colonial Cultures. Cambridge, 2002.
4. *Bierbrauer G.* Toward an Understanding of Legal Culture: Variations in Individualism and Collectivism between Kurds, Lebanese, and Germans // Law and Society Rev. 1994. № 28 (2). P. 243–64.
5. *Blankenburg E.* The Infrastructure of Legal Culture in Holland and West Germany // Ibid. № 28 (4). P. 789–809.
6. *Blankenburg E.* Civil Litigation Rates as Indicators for Legal Cultures // Comparing Legal Cultures ed. D. Nelken. Brookfield, 1997. P. 41–68.
7. *Bracey J. H.* Exploring Law and Culture. Long Grove, IL, 2006.
8. *Chanock M.* The Making of South African Legal Culture 1902–1936: Fear, Favour and Prejudice. Cambridge, 2001.
9. *Comaroff J.* Colonialism, Culture, and the Law: A Foreword // Law and Social Inquiry. 2001. № 25. P. 305–14.
10. *Comaroff J., Comaroff J.* Policing Culture, Cultural Policing: Law and Social Order in Postcolonial South Africa // Law and Social Inquiry. 2004. № 29. P. 513–45.
11. *Comaroff J., Comaroff J.* eds. Law and Disorder in the Postcolony. Chicago, 2006.
12. *Cooper D.* Local Government Legal Consciousness in the Shadow of Juridification // J. of Law and Soc. 1995. № 22(4). P. 506–26.
13. *Cotterrell R.* The Sociology of Law: An Introduction, second edition. L., 1992 (1984).
14. *Cotterrell R.* The Concept of Legal Culture // Comparing Legal Cultures ed. D. Nelken. Brookfield, 1997. P. 13–32.
15. *Cotterrell R.* Law, Culture and Society. Aldershot, UK, 2006.
16. *Cowan D.* Legal Consciousness: Some Observations // Modern Law Review. 2004. № 67 (6). P. 928–58.
17. *Encson R.* Crime in an Insecure World. Cambridge, 2007.
18. *Espeland W., Stevens M.* Commensuration as a Social Process // Annual Rev. of Sociology. 1998. № 24. P. 313–43.
19. *Ewick P.* Consciousness and Ideology. Aldershot, UK, 2006.
20. *Ewick P., Silbey S.* The Common Place of Law : Stories from Everyday Life. Chicago, 1998.
21. *Ewick P., Silbey S.* Common Knowledge and Ideological Critique: The Importance of Knowing Why the 'Haves' Come Out Ahead // Law & Society Rev. 1999. № 33(4). P. 1025–42.
22. *Ewick P., Silbey S.* The Structure of Legality: The Cultural Contradictions of Social Institutions // Robert A. Kagan, Martin Krygier, and Kenneth Winston, eds., Legality and Community: On the Intellectual Legacy of Philip Selznick. Berkeley, 2002. P. 149–65.
23. *French J. D.* Drowning in Laws but Starving (for Justice?): Brazilian Labor Law and the Workers' Quest to Realize the Imaginary // Political Power and Social Theory. 1998. № 12. P. 181–218.
24. *Friedman L. M.* The Legal System: A Social Science Perspective. N. Y., 1975.
25. *Friedman L. M.* Total Justice. Boston, 1985.
26. *Friedman L. M.* The Concept of Legal Culture: A Reply // Comparing Legal Cultures ed. D. Nelken. Brookfield, 1997. P. 33–40
27. *Geertz C.* Tire Interpretation of Cultures. N. Y., 1973.
28. *Gibson J. L., Caldeira G.A.* The Legal Cultures of Europe // Law and Society Rev. 1997. № 30 (1). P. 55–85.
29. *Gibson J. L., Gouws A.* Support for the Rule of Law in the Emerging South African Democracy // Intern. Social Science J. 1997. № 49, 2 (152). P. 173–91.
30. *Gordon R. W.* Critical Legal Histories// Stanford Law Rev. 1984. № 35. P. 57.

31. *Hamilton V. L., Sanders J.* Everyday Justice: Responsibility and the Individual in Japan and the United States. L. ; New Haven, 1992.
32. *Hertogh M.* A 'European' Conception of Legal Consciousness: Rediscovering Eugen Ehrlich // *J. of Law and Soc.* 2004. № 31 (4). P. 455–81.
33. *Kawashima T.* Dispute Resolution in Contemporary Japan // *Law in Japan* ed. A. von Mehren. Cambridge, MA, 1963. P. 41–72
34. *Kidder R. L., Hosteder J. A.* Managing Ideologies: Harmony as Ideology in Amish and Japanese Societies // *Law and Society Rev.* 1990. № 24. P. 895–922.
35. *Levi R.* Making Counter-Law: On Having No Apparent Purpose in Chicago // *British J. of Criminology.* 2008. № 49. P. 131–49.
36. *Maurer B.* The Cultural Power of Law? Conjunctive Readings // *Law & Society Rev.* 2004. № 38. P. 843–49.
37. *Munger F., Seron C.* Critical Legal Theory versus Critical Legal Method: A Comment on Method // *Law and Policy.* 1984. № 6. P. 257–99.
38. *Nardulli P. F., Eisenstein J., Flemming R. B.* The Tenor of Justice: Criminal Courts and the Guilty Plea Process. Urbana, 1988.
39. *Nelken D.* Puzzling Out Legal Culture: A Comment on Blankenburg // *Comparing Legal Cultures* ed. D. Nelken. Brookfield, 1997a. P. 69–92.
40. *Pelisse J.* From Negotiation to Implementation: A Study of the Reduction of Working Time in France (1998–2000) // *Time & Soc.* 2004. № 13 (2/3). P. 221–44.
41. *Penn C.* Shouldering Risks: The Culture of Control in the Nuclear Power Industry. Princeton, N. J., 2005.
42. *Rosen L.* Law as Culture. Princeton, N. J., 2006.
43. *Sarat A., Kearns T.* Beyond the Great Divide // A. Sarat and T. Kearns, eds., *Law in Everyday Life.* Ann Arbor. 1993. P. 21–61.
44. *Schutz A., Luchman T.* The Structures of the Life-World. Evanston, IL, 1989 (1973).
45. *Sewell W. H.* Logics of History. Chicago, 2005.
46. *Silbey S. S.* Making a Place for Cultural Analyses of Law // *Law and Social Inquiry.* 1992. № 17 (1). P. 39–48.
47. *Silbey S. S.* Let Them Eat Cake: Globalization, Postmodern Colonialism, and the Possibilities of Justice // *Law & Soc. Rev.* 1997. № 31 (2). P. 207–35.
48. *Silbey S. S.* Ideology, Justice, and Power // Bryant Garth and Austin Sarat, eds., *Justice and Power in Law and Society Research.* Evanston, IL, 1998. P. 272–308.
49. *Silbey S. S.* After Legal Consciousness // *Annual Rev. of Law and Social Science.* 2005a. № 1. P. 323–68.
50. *Silbey S. S.* Everyday Life and the Constitution of Legality // Marc Jacobs and Nancy Hanrahan, eds., *The Blackivell Companion to the Sociology of Culture.* Oxford, 2005b.
51. *Swidler.* Culture and Action: Symbols and Strategies // *American Sociological Rev.* 1986. № 51. P. 273–86.
52. *Tanase T.* The Management of Disputes: Automobile Accident Compensation in Japan // *Law and Soc. Rev.* 1990. № 24. P. 651–91.
53. *Tapp J. L., Kohlberg L.* Developing Senses of Law and Legal Justice // *J. of Soc. Iss.* 1971. № 27 (2). P. 65–91.
54. *Tapp J. L., Levine F. L.* Legal Socialization: Strategies for an Ethical Legality // *Stanford Law Rev.* 1974. № 27. P. 1–72.
55. *Valverde M.* The Ethic of Diversity: Local Law and the Negotiation of Urban Norms // *Law & Social Inquiry.* 2008. № 33 (4). P. 895–923.

Рукопись поступила в редакцию 28 февраля 2014 г.